

Латиф Махмутов
Дневник, письмо
и первоклассница

РАССКАЗЫ, ПОВЕСТЬ

ПЕРЕВОД С УЗБЕКСКОГО Ф. КАМАЛОВА

Уз
М 36

Художник — А. СУХАРЕВ

Рецензент — Э. МАЦИПУЛО

Махмудов, Латиф.

Дневник, письмо и первоклассница:
Рассказы, повесть/Пер. с узб. Ф. Камалова
— Т.: Изд. лит. и искусства, 1982. — 48 с.

Рассказы и повесть, включенные в сборник, представляют собой единое целое — ведь герои их — два друга одноклассника Батыр и Мирвали, которые попадают порой в смешные, а порой и поучительные ситуации.

Уз2

70803 — 136
М _____ Доп. 82 4803010200
М 352 (04) — 82

© Издательство «Еш гвардия», 1981 г.

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1982 г.
(перевод, предисловие)

О КНИЖКЕ,

КОТОРАЯ ЛЕЖИТ ПЕРЕД ВАМИ

«... Когда мы завернули за ближайший угол, Мирвали мрачно сплюнул и печально сказал:

— Теперь всё! Отступать некуда! Придется сделать из нее отличницу. Мы с тобой разделим эту каторжную работу поровну...» Так весело начинается одна из глав повести «Дневник, письмо и первоклассница», которая лежит перед читателем. Что за веселую кутерьму затевают ее герои и неужели она им действительно удастся? Можете не волноваться: если за дело принялись Мирвали и его закадычный друг Батыр — все получится так, как они задумали. Правда, их иногда заносит и можно каждую минуту остерегаться возмездия, но есть везение, а главное — есть такие замечательные люди, как бабушка Батыра, как школьный учитель Алиджан Валиевич, они всегда поймут, всегда разглядят за поступком — БУДУЩЕЕ.

Книжка с такими героями не может не понравиться. Для меня она стала радостью дважды. Первый раз, когда

рукопись ее пришла в Ленинград и мы, работающие в детском журнале «Костёр», прочитав, тут же решили ее печатать. Второй раз, когда я узнал, что повесть вместе с рассказами выходит отдельным изданием.

В Узбекистане много озорных мальчишек, похожих на Батыра и Мирвали, и много девочек, напоминающих Муниру и Умиду. Все они любят книги, в которых идет речь о том, как живут и учатся их сверстники. Еще одной хорошей детской книгой стало больше.

Будем ждать новых книг Латифа Махмудова!

*Святослав Сахарнов, писатель,
главный редактор журнала «Костёр»*

Ленинград

«ОТДОХНУЛИ»

Выходной день. Чего я сижу дома, как привязанная коза, подумал я и пошел к Мирвали. Прихожу, а он сидит на айване во дворе, совсем как Абу-Али-ибн-Мирвали. Думает, мыслитель.

— Привет! — Я подсел к нему. — Что случилось?

— Да так, ничего, — вздохнул он. — Скажу я тебе или не скажу, что изменится? Да ты и не поймешь.

— Ой-ой, мыслитель, так и не пойму?

— Ну, раз ты понятливый, объясни мне: есть у тебя, к примеру, сестренка, во всем тебе перечит, все делает наоборот, назло. Как бы ты с ней поступил?

— Как бы я поступил? — я задумался. — Растолковал бы ей, что такое хорошо, а что плохо. Книги бы про всякие человеческие недостатки читал ей...

— Ну, а если ничего не помогает? — нетерпеливо перебил он меня. — Что тогда?

— Быть такого не может, — сказал я.

— Может! — закричал он. — Говорю, может! Что тогда делать?

— Тогда я бы, наверное, сказал: «Ну держись!» — и треснул бы по затылку.

— Ага, молодец! — обрадовался Мирвали. — Я именно так и сделал. Сначала ка-ак дал, а потом запер в комнате.

Я посмотрел на дверь комнаты и увидел, что с этой стороны торчит ключ. Честное слово, мне стало нехорошо. Этот хитрец повернул все так, будто сделал по моему совету. Если бы он сначала честно рассказал мне, я бы, конечно, ответил ему так: «Да ты что, разве можно бить девчонок!»

И еще смотрю — у моего друга глаза тоскливые. Не уверен в себе мой друг, в том, что его кулак оказался прав в споре с сестренкой.

Мы еще посидели молча.

— Эх! — вымолвил он. — Отцу наябедничает, да еще к одному подзатыльнику десять прибавит.

— Это уж точно, они такие, — поддакнул я. — А ты тоже хорош. Прежде чем начать колотить ее, надо было еще раз хорошенько поговорить.

— Хорошо тебе советовать! — Мирвали махнул рукой. — Ты же знаешь, я не лодырь, любую работу делаю: нарубить дрова, принести воды, подмести двор. Слова не говорю, сразу принимаюсь за дело. А она, эта Умида, какую работу мне подсовывает? Девчоночью! «Перебери рис!» Полтазика риса! Что мне, больше делать нечего, я ей нанялся рис перебирать, что ли?!

Мирвали начал кипятиться, и я поспешил пожалеть его:

— И правда, будто тебе делать нечего. И ты, конечно, отказался?

— Начальница нашлась! — Он сердито кивнул на дверь. — Мама на работе, так она изображает хозяйку, садится мне на голову. Ну я ка-ак дал!.. И еще могу!..

Он уже встал, но я ухватил его за штанину и заставил сесть на место.

— Охота тебе связываться с девчонками, — успокаивал я его. — К ним подход нужен. Подберешь ключик, они сами все сделают. Девчонки же круглые простофили. Да любое ласковое слово их растопит. И порядок, все выходит по-твоему. Не веришь? Сейчас сам увидишься.

Я подошел к двери, повернул ключ и вкрадчиво позвал:

— Умида, сестреночка, выйди к нам.

Дверь тихонько зашуршала, отворилась и из комнаты выглянул бант, а потом он поднялся и под ним оказалось заплаканное девчоночье лицо.

И в такой вот обстановке, когда по ее щекам катились слезы, я заговорил ужасным сладким голосом.

— Ой, сестричка, как нехорошо получается, — сказал я. — Разве можно так относиться к братику, который старше тебя на три года!..

— Разве она понимает это? — буркнул Мирвали. — Только умничают.

Я поднял руку, останавливая его, мне самому хотелось говорить. Я и повел разговор, да такой, что удивлялся, слушая себя. У меня с языка то лились мед и масло, то срывались острые стрелы. Откуда что бралось! Я приводил примеры из собственной жизни, из прочитанных книг и даже ударился в историю.

— Как видишь, сестричка, во все века и у всех народов младшие уважали старших и слушались, а кто не слушался, те кончали жизнь очень плохо.

Слезы на щеках Умиды высохли, а глаза даже повеселели.

— А старшие?

Я не понял:

— Что старшие?

— Должны ли старшие слушать просьбы младших?

Я подумал и кивнул.

— Конечно, должны... если просьбы разумные.

— Поднимите на крышу, пожалуйста, полмешка риса и посмотрите — проявился там виноград или нет.

Я пожал плечами и посмотрел на Мирвали.

— Слазим?

Он не возражал. Эта просьба никак не унижала его мужского достоинства. Он приставил к крыше высокую лестницу — дом был двухэтажный. Мы вскарабкались по ней с грузом. На плоской крыше сушился виноград. Мы съели его по горсти и решили, что он чуть не доспел, чтобы называться изюмом.

День был жаркий, небо синее — глазу не за что зацепиться.

Во дворе раздался грохот, словно свалили дерево. Мирвали двумя прыжками оказался у края крыши и посмотрел вниз.

— Мы влипли! — закричал он.

Я сначала не понял.

— Как влипли?

— Нам крышка!

Я вскочил и подбежал к нему. Все стало ясно. Лестница лежала поперек двора.

— Умида, а ну иди сюда! — позвал Мирвали.

Умида выглянула из кухонной пристройки.

— Что?

— Это ты убрала лестницу?

Тут и спрашивать не надо было, не сама же она убралась.

Умида сложила в несколько раз скатерть и кинула ее так ловко, что она упала у моих ног.

— Переберите весь рис, потом поставлю лестницу. Я устала каждый день просить об одном и том же.

Конечно, сами же, дураки, втащили рис. Нормальный человек сразу бы заподозрил — зачем поднимать рис на крышу!

Я так и застыл на месте, будто мои шлепанцы приколотили к крыше. Ну ладно, Мирвали... а за что я должен страдать?

— А теперь послушай меня, тихоня! — крикнул Мирвали. — Сейчас же ставь лестницу, по-хорошему! Не то слезу и до вечера буду гонять тебя по двору!

— Но это ведь просьба разумная. — Умида посмотрела на меня.

Мне хотелось сказать ей!.. Но я прикусил язык. Мирвали бегал с одного конца крыши на другой, словно курица, наступившая на горячие угли. Он и грозил сестренке, и просил. Но Умида шастала себе по двору, как будто на крыше сидели воробьи, а не люди.

Я обошел крышу — нельзя ли с нее слезть? Но рядом ничего — ни дерева, ни забора.

Мирвали сел, обхватив коленки. Я пристроился рядом.

— Хвалю! — съязвил Мирвали. — За коварную подсказку моей коварной сестренке. Теперь сиди и перебирай рис.

— С какой стати! — возмутился я. — Ты будешь есть плов, а я рис перебирать?

Мы с ним схватились, пока на словах. До драки дело не дошло, кончилось тем, что мы отвернулись друг от друга.

Умида прошла по двору, не поведя ухом на наши крики, и принялась подметать двор.

Я придвинулся к Мирвали.

— Так не годится, надо что-нибудь придумать.

— Придумывай! Ты же мастер на выдумки.

У меня внутри все кипело.

— Ты не ехидничай! Не мог с сестренкой сам договориться, без меня!

Он сказал:

— Ну, ладно, ладно.

У меня созрел хороший план, я прошептал его на ухо Мирвали, и он согласился.

— Начинай!

Я схватился за голову, застонал и принялся бегать по крыше, а потом упал и затих.

— Эй, ты! — крикнул вниз Мирвали. — Смотри, что ты наделала с чужим человеком!

— А что я наделала? — спросила снизу Умида.

— Он единственный сын у родителей, отвечать будешь! У него солнечный удар! Быстро ставь лестницу, я его спущу вниз!

Я изо всех сил застонал и задрыгал ногами. Наверное, перестарался. Снизу послышался смех.

— Скажи ему, — крикнула Умида, — что девочки не простофили!

Ага, она еще и подслушивала! Я вскочил и закричал во все горло:

— Поставь лестницу! Не то сейчас начну так орать, что весь народ сбежится!

Она пожала плечами и спокойно сказала:

— Ори. Про вас же скажут, что сумасшедшие.

Ну что делать? Я прямо дрожал от злости.

Солнце пекло нещадно. А на краю двора журчал арык. Я посмотрел туда — так хочется пить!

И Мирвали смотрел на арык.

— Послушай, может, переберем этот проклятый рис?

Он молчал.

— Эх, — сказал я, — я же мог к тебе не прийти сегодня...

— А ты завтра не приходи, — глупо сказал он и ухмыльнулся.

Я испугался за него.

— Ты, которая во дворе, — сказал я, — твой брат с ума сходит. Сейчас прыгнет и разобьется насмерть. Поддай хоть воды!

— Там работы на один час! — крикнула она. — Ничего с вами не случится.

— Ладно! — сказал вдруг Мирвали. — Только, когда спустимся, ты сразу хватай, а я ее на метр в землю заколочу.

Мы еще поговорили немного про будущее страшное наказание Умиды и принялись за работу.

Полмешка риса...

Битых два часа мы пыхтели, потели и ползали вокруг скатерти с рисом, как два червяка. Это ужас, оказывается, самая проклятая работа — перебирать рис.

Уже солнце закатывалось за верхушки деревьев, когда мы закончили и хотели разогнуться. Не тут-то было! Так и остались согнутыми, словно две половинки колеса.

Мирвали все же дополз до края крыши и крикнул:

— Эй, ставь лестницу!

— Уже все?! Я сейчас... только сбегаю за Дильбар.

— Кто такая Дильбар, при чем здесь Дильбар! — закричали мы оба. Нам не удалось сделать голоса грозными, они получились скорее жалобными: «При чем здесь Дильбар?»

— Я же не смогу одна поднять лестницу...

Умида выбежала на улицу и скоро вернулась с моей сестренкой.

— Ой, что вы там делаете? — удивилась та, увидев нас.

— Греемся, — сказал я.

Они вдвоем кое-как поставили лестницу. Держимся мы с Мирвали за ее верхушку, а слезть не можем. Даже и расхотелось слезать.

— Как только спустимся, хватай ее! — напомнил мне Мирвали и полез первым. Я — за ним.

Еле-еле мы сползли.

Умида стояла в сторонке, ближе к воротам, и поглядывала на них, готовая в любой момент сорваться с места.

— Ты говорила, Дильбар, что твой брат дома ничего не делает, — сказала она. — Неправда. Если его хорошенько попросить, он горы своротит!

— Рисовые! — сказал Мирвали и схватился за поясницу.

Хотел я тут же двинуться на Умиду, схватить ее. Да, думаю, она уже нас с Мирвали в дугу согнула, неизвестно, чем кончится это хватание, и ноги, как ватные. Э-э, живи, ладно!

Да и Мирвали... поглядел на меня, покачал головой, поплелся в дом и закрыл за собой дверь.

Ну и я тоже потащился к себе домой...

ПРОЩАЙ, ШЕФ

Едва кончились уроки, Мирвали говорит мне:

— Останься!

— Зачем?

— Разговор есть.

Тьфу, думаю, нашел время говорить, разговорчивый какой. Почему-то всегда так: когда торопишься, тебя хватают за рукав, наступают на ноги и кричат — стой! Вот так, размышляя, я все же тихонько пробираюсь к двери.

Мирвали же важно садится на место учителя и говорит, закинув ногу на ногу:

— Разговор такой. Во-первых, с сегодняшнего дня я беру над тобой шефство, во-вторых, ты будешь делать все так, как я тебе скажу, а в-третьих...

— А в-третьих, напрасно стараешься, — перебиваю я.

Мирвали, кинувшись к двери, преградил мне дорогу.

— Куда?

— Домой.

— Не выйдешь отсюда, пока не дослушаешь меня до конца.

Вижу, действительно не выпустит меня из класса. И говорю ему по-хорошему:

— Прошу тебя,пусти. Я ужасно тороплюсь. Сегодня день рождения моей сестры и мне надо купить подарок.

Мирвали, оживившись, подхватил свою папку под мышки.

— Что же ты мне сразу об этом не сказал! Думаешь, мои советы тебе не пригодятся? Еще как!

Мы идем по улице, и я потихоньку начинаю злиться. А потом, по-

думав, решаю — пусть. Я считаю самым распоследним делом для мальчишки таскаться по магазинам. Тем более одному. А так, идет он за мной, что-то бубнит, ну и ладно. Не на плечах же я его тащу, своими ногами идет.

— Сколько ей лет?

— Три.

— Очень хорошо, — обрадованно говорит он. — Трехлетней девочке выбрать подарок не просто. Тут надо думать, дружок.

А если бы я сказал, что ей четыре? Или пять?

В «Детском мире» я хотел выбрать куклу, но они все очень дорогие, у меня и денег таких нет. И тут смотрю — дешевые, красивые погремушки! Я отправился к кассе. А Мирвали уперся:

— Я твой шеф, только попробуй не послушаться! К черту погремушки! Я сам найду подарок.

И тянет меня в другой магазин, оттуда в третий. И я таскаюсь за ним, как собачка, а ничего хорошего нам не попадается. Я уже начал забывать, зачем мы ходим и что ищем, и проголодался, и хотел махнуть рукой, пойти домой.

— Стой! — кричит Мирвали. — Придумал!

Забегает в гастроном и выносит пирожное.

— Вот это можно назвать подарком! — хвастливо говорит он и разворачивает пирожное. — Во-первых, на нем цветочки. Гляди, как раз три — один посередине и два по краям. А запах! — хоть нюхай, хоть ешь. Вот-вот... О-о-о! — какой запах!

Прикрыв глаза, он облизнулся и покачал головой.

Я почувствовал, как от запаха пирожного у меня даже голова закружилась. И мне стало ясно, что у меня внутри пусто, как в очень перезрелом арбузе.

А Мирвали продолжает:

— Но тут уголок один примят... — а сам глаз не сводит с пирожного.

— Где?

— Да вот же! — Я увидел, как он пальцем смял красный цветок на пирожном.

— Иди меняй!

— Ну да, обменяют, держи карман шире!

Я говорю:

— Придется кривое дарить.

— Нет, в таком виде нельзя, — говорит он и морщится. — Представь, что ты именинник, а тебе приносят кособокое пирожное.

Я же точно видел, что он специально примял.

— Что же делать?

— Подумаем, — отвечает Мирвали, и мне кажется, у него начинают шевелиться уши. — Придумал! Я сейчас осторожно подровняю его.

— Чем?

— Как — чем? Зубами, конечно.

— Вот еще! Давай сюда, я сам подровняю.

А он говорит:

— Ты откроешь рот и не заметишь, как совсем проглотишь.

Оглядев пирожное, он примерился. Широко открылся рот. И Мирвали куснул до самой половины цветка... У меня искры из глаз посыпались.

— Стой! — кричу и что есть силы хватаю его за воротник. — Не смей глотать!

Но он на моих глазах сделал глотательное движение — глык! — и проглотил.

— Сам же подтолкнул меня! — говорит он, освобождая свой воротник. — Конечно, после этого разве откусишь правильно!

— А зачем глотал?

— Я не хотел глотать, а ты испугал меня, и кусочек упал прямо в живот.

Стоим посреди улицы и ругаемся.

А что толку!

— Ты считаешь, что это еще можно дарить? — спрашиваю я Мирвали, показывая на пирожное.

— Нет, в таком виде нельзя. Чтобы ровно стало, надо и с другого конца откусить.

— Что? — Меня в дрожь бросило.

Мирвали стоит, хлопает глазами.

— А что тут еще придумаешь? Один выход.

— Хорошо, — говорю я. — Только на этот раз не ты кусать будешь, а я.

— Как хочешь, — говорит Мирвали с сомнением. — В одном конце пирожного следы моих зубов, а в другом — твоих...

И то правда.

— Дай сюда пирожное! Я поднесу тебе ко рту, а ты подравнивай...

— Согласен. — И уже рот раскрыл.

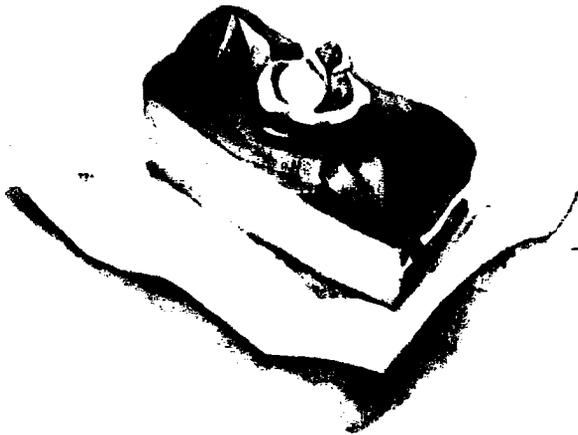
— Слушай, Мирвали, — говорю я, — если отхватишь кусок, дам тебе по горлу так, что он обратно вылетит.

— Ы-ы-ы...

На этот раз он очень осторожно стал ровнять угол. И вдруг губами содрал сверху весь цветок. И стоит, чмокает масляными губами. У меня едва не вырвался рев на всю улицу. С горя я тут же сунул себе в рот остатки пирожного.

— Ага, вот ты какой, оказывается, — говорит Мирвали. — Я с ним время теряю, помогаю, воспитываю его... Не повезло твоей сестре, что у нее такой брат... Ну ладно, это первая наша совместная работа...

— И последняя, — говорю я и кидаюсь бежать от него со всех ног. — Прощай, шеф!

МИЛЛИОН ШТУК УРЮКА

Мне никогда в жизни не было так тоскливо, как в начале этого лета.

Друг мой Мирвали бросил меня, удрал с отцом в Бостандык. К какому-то отцовскому другу, у которого в горах дом, и сад, и пчелы, и... Мирвали, правда, пригласил и меня, но не мог же я сразу сказать — спасибо, друг, конечно, я поеду. И пока я думал, как согласиться не сразу, он торопливо сунул мне руку.

— До свидания, друг, — сказал он, — я тебе письмо напишу из Бостандыка.

И укатил без меня.

Я слонялся по двору. Ходил и ходил по кругу, как одноглазая лошадь вокруг колодца. Ходил, ходил, голова закружилась, а я ходил.

— Делом бы занялся!..

— Каким?

Бабушка всегда придумает дело.

— Урюк бы собрал! Варенье сварим.

Вот еще! Зачем из и так сладкого урюка варить варенье?!

Я взял мяч и пошел пинать его на улицу. Допинался до соседней махалли. Судьба у меня такая злосчастная — попал мячом в чье-то окно. Еще и стекло не кончило звенеть, когда я со всех ног рванул от того дома. Прощай, мяч!

Вот жизнь! Хоть садись посреди двора и вой от тоски!

И тут заскрипела калитка и раздался знакомый голос:

— Эй, Батыр!

Мирвали! Ну, погоди!

— Вам кого? — спросил я.

— Тебе что, голову напекло? Уже не узнаешь друга?

— Какого друга? Вы кто?

— Э-э, Батыр, не сходи с ума! — закричал он, заглядывая мне в лицо. — Мирвали я, Мирвали! Из Бостандыка приехал.

— Знал одного Мирвали, — сказал я, — он обещал мне письмо прислать. Из Бостандыка. Вы его там случайно не видели?

— Издеваешься?! Я, как дурак, тороплюсь к нему, хочу его обнять...

— Ладно, — сказал я примирительно. — Значит, отдохнул?

Мирвали подпрыгнул и уставился на меня.

— Я?! Отдохнул?! Да я не знал, как оттуда вырваться! Я тебе тысячу раз позавидовал, что ты остался дома.

— Мне?

— Тебе!

— Это уже интересно, — сказал я. — Рассказывай.

Мирвали вздохнул.

— Интересно было только вначале. Едем мы туда на машине — кругом бахчи, сады, отары и горы. Думаю — здорово было бы здесь пастухом поработать. Нам с тобой. Я бы на коне искал хорошее пастбище, а ты бы пас овец. У нас бы овцы потолстели, раздулись, как бочки...

— Ты бы на коне, а я бы пас овец? Спасибо, друг! Пасти сам!

— Но ты же не умеешь на коне!

— А ты?

И мы заспорили, как всегда. А потом вдруг подумали, что оба никогда не ездили не только на горячем скакуне, а даже на смирном ослике, и замолчали. Ведь живые кони не продаются в магазинах, словно велосипеды, не попросишь отца купить.

— Рассказывай дальше, — сказал я.

Приехали они. Друг отца работает в саду. Дети его работают в саду. Соседи и дети соседей тоже работают в саду. Все собирают урожай. Вечером хвастают друг перед другом: один собрал тридцать ведер урюка, другой сорок, а третий — все пятьдесят.

А Мирвали бродит вокруг сада. Один, как отбившийся от отары барашек. На гору залезет, посидит. С горы слезет, посидит. Делать — нечего. Даже поговорить не с кем. Все работает, а он сидит, мучается.

— Да-а, — сказал я, пожалев его.

Потом и отец его пошел работать в сад, урожай собирать. Мирвали никто не попрекает, что он один не работает. Но и никто не разговаривает с ним. Как будто его тут нет вообще, и вовсе не приезжал он сюда.

— Ну жизнь! — сказал я, и мне захотелось погладить друга по плечу.

— А однажды вечером, — продолжал он, — отец говорит мне: «И в кого ты уродился такой! У нас в семье никогда не было лентяев. Наверное, тебя Батыр с толку сбивает».

Обида вошла в мое сердце.

— А ты?..

— А что я! Сказал: наверное.

— Какой же ты балбес, Мирвали! — горько упрекнул я. — Значит, на меня все и свалил! Сам первый лодырь, бездельник.

— Кто, я! Никогда не был лодырем до знакомства с тобой. Это все ты!

— Сейчас я всем докажу!.. А ну пошли!

— Куда?

— К тетушке Жаннат.

— Что я там не видел, — буркнул он, однако двинулся за мной.

Тетушка Жаннат жила одиноко в небольшом чистеньком доме с уют-

ным двором. Во дворе журчал арычек, росли кустики райхана, а над всем двором раскинули ветви две огромные урючины. Плодов на них было так много, что урючины походили на две желтые тучи, столкнувшиеся над двором.

Тетушка обрадовалась, увидев нас, пригласила сесть под урючину и стала угощать чаем. Принесла полную миску розовых полупрозрачных плодов.

— Кушайте, сыночки! А я пойду, маставу поставлю.

— Ах урюк! — сказал я, прожевывая один плод и глядя на Мирвали. — Чистый нават.

Мирвали заерзал и с тревогой посмотрел на меня.

— Пока еще не нават, — сказал он. — Через неделю будет — нават. Придем сюда через неделю...

Кажется, он догадался о моих мыслях.

— Через неделю воробьи все склюют, — сказал я.

— Им тоже хочется есть...

— Надо сегодня убрать весь урожай! — решительно сказал я.

Мирвали неожиданно согласился.

— Хорошо, сегодня. Еще немного посидим...

Мы пили чай и говорили, и я все время удивлялся, чего это Мирвали подворачивает штанины. Держит пиалу в одной руке, а другой все подворачивает и подворачивает.

Он поставил пиалу и сказал:

— Я готов. Только договор: я трясу урюк, а ты подбираешь с земли.

Я было кивнул головой, а потом спохватился и быстренько засучил штаны.

— Трясти буду я, а подбирать — ты!

— Первое слово дороже второго! Я сказал первым.

— Ну и что! А я первым залезу.

И я полез, но он схватил меня за штанину и не пускает. Я хотел его лягнуть, но руки сорвались, и я шмякнулся.

— Упал один созревший фрукт, — нахально пропел Мирвали и быстро полез на дерево.

Далеко он не успел влезть, так как я схватил его за ногу, и он с воплем, обдирая руки о древнюю, всю в трещинах, кору, сполз вниз.

Мы чуть не подрались. Уже, сопя, начали толкаться левыми плечами, уже я горестно размышлял — где раздобыть несколько пятак, лечить синяки. И вдруг Мирвали отступил.

— Два же дерева! — ахнул он.

— Ну и что?

— И нас двое. Каждому по урючине.

Тьфу, как все просто решилось. Почему это не пришло в мою голову?

В знак примирения мы снова сели под урючину и продолжили чаепитие. Хорошо! Вода течет по арычку, райхан благоухает, и иногда, как тяжелая градина, срывается с ветки спелый плод.

И мы сидим, как два уважающих друг друга человека, ведем за чаем неторопливую беседу.

— Богатый урожай!..

— Да уж не бедный.

— На каждой веточке не меньше, чем по сто штук.

— Может, больше. По пятьсот.

— А таких веточек на каждом дереве по тысяче.

— Да-а, полмиллиона штук на одной урючине.

— На двух — миллион.

И замолчали.

Наверное, мы подумали одновременно одно и то же — а кто будет собирать этот миллион? Мы? Мил-ли-он штук!

Я почувствовал, как у меня сразу заныли все кости, спина стала будто ржавая. Я потихоньку спустил засученные штанины и обулся.

И Мирвали потух. Сидит и бормочет: «Миллион, миллион...»

— Через неделю он еще слаще будет, — сказал я. — Вот тогда...

— Правильно! — подхватил Мирвали. — Лучше через неделю.

— Тогда чего же мы сидим здесь?

И мы пошли.

За калиткой мы еще раз оглянулись. Две тяжелые желтые тучи плыли над двором тетушки Жаннат.

Мы уже знали, что не по нашей воле прольется из этих туч сладкий золотой дождь.

... И ДВА ВЕДРА ГРУШ

Ох и замечательное грушевое дерево росло во дворе Мирвали. Такое большое, старое и очень фруктовое — страшно сказать, сколько груш висело на нем. И все крупные, светлые, как электрические лампочки.

В самое пекло в тени под деревом так прохладно, что можно лежать на тахте целый день и не вспотеешь. Мы с Мирвали набегаемся на улице за мячом, напинаемся и бежим сюда отдохнуть.

Лёжишь на спине и смотришь, как спеют груши. И тонкий звон в воздухе — наверное, бежит сок по веточкам, наливаются груши, желтеют.

— Эх! — говорю я. — Продать бы эти груши на базаре! С одного дерева — целая машина.

— Полный мешок денег можно получить, — подсчитывает Мирвали. — Но ты же знаешь моего деда...

Конечно, знаю. Дед у Мирвали такой же старый и корявый, как это грушевое дерево. И такой же, наверное, твердый. Невзлюбил меня, и все тут, хоть тресни. Как я ни старался при нем вести себя примерно, ничего не помогало. На самые почтительные мои приветствия едва кивнет головой или вообще не заметит.

И все это за то, что я однажды имел неосторожность сказать ему про базар, какие, мол, дорогие там груши и как хорошо можно бы заработать.

Дед Мирвали раздавал груши соседям, относил в детский сад. Бесплатно.

А-а, ладно. Что я морочу себе голову чужими грушами.

В это лето нам с Мирвали пришла мысль купить фотоаппарат. Хоть бы на двоих один. Не самый дорогой бы, но, конечно, и не самый дешевый.

Мой отец... да что говорить, все отцы, видимо, такие. Говорит: «Научись сначала фотографировать!» А на чем учиться, если фотоаппарата нет. И отец Мирвали — тоже не подарок, тоже отказал сыну.

Тогда мне и пришла мысль о базаре. Я выложил ее Мирвали.
— Хорошо, просто здорово! — сказал он. — Дождемся, когда дедушки не будет дома.

Мы дождались.

Я слышал, как ночью задувал сильный ветер. Несколько раз прогремел сухой гром, хотя дождя не было — ветер разгонял грёзу. Я лежал и думал о том, как сейчас сыплются на землю спелые груши.

Весь двор Мирвали был усыпан грушами.

Сам Мирвали сидел посреди двора, словно хан, и лениво жевал сочный плод — светлый сок стекал с его подбородка.

— Садись! — пригласил он, расчищая рядом местечко для меня.

— Сидеть некогда...

Мы набрали два полных ведра, с верхом. Тяжелые получились ведра. Мы только приготовились идти, как из дома вышла сестренка Мирвали Умида.

— Вы куда?

— Тебе какое дело! — правильно ответил ей Мирвали.

— Разве вы не идете в школу?

— Куда-а? В какую еще школу?

— Вчера всех предупреждали, что сегодня в школе субботник...

— Сегодня не суббота, а среда еще, — сказал Мирвали. — И потом, меня не предупреждали. Пусть идет тот, кого предупреждали.

Подхватил свое ведро, и мы выкатились на улицу.

Это я так сказал — выкатились. Никаких колес у нас, конечно, не было, а имелись ноги, которые подгибались под тяжестью ведер.

От дома Мирвали к базару вела прямая улица. Но Мирвали зачем-то свернул в переулок, потом в другой. «Замечает следы, — подумал я, с трудом тащась за ним. — Или со знакомыми боится встретиться».

С каждым шагом мое ведро тяжелело, будто кто-то все время подкладывал в него груши. Никогда не думал, что груши столько весят.

Когда я злуюсь, у меня силы прибывают. Я принял нарочно злить себя, говорить, что нынче школа — каторга. Весной субботники, осенью тоже, теперь и летом покоя нет. Засубботились совсем.

Иду, тащу тяжеленное ведро и ворчу, как автомобиль.

Груши... «Висит груша, нельзя скушать». Почему нельзя?..

— Стой!.. Смотри!

Я чуть не наткнулся на остановившегося Мирвали.

— Что такое?

Под деревом прямо на земле сидела девчонка и рыдала, уткнувшись лицом в колени.

— Эй, что с тобой? — окликнул Мирвали.

Мы подошли, склонились над ней.

— Кто насу девочку обидел? — засюсюкал Мирвали и попытался пощекотать ее. — На, возьми гуску.

Девочка подняла голову. Глаза у нее были красные, но сухие, наверное, она уже выплакала все слезы.

— Я заблудилась... — вздрагивая от рыданий, сообщила она.

Пошла, оказалось, за мороженым, а когда возвращалась, свернула не туда, потом еще не туда и села под дерево плакать.

— О чем же ты думала? — с досадой сказал я.

Она похлопала глазами и честно призналась:

— О мороженом.

И опять закрыла лицо и принялась плакать.

Мы стали выяснять, с какой стороны она пришла сюда — слева, справа? Даже на этот простой вопрос она не смогла толком ответить.

Я сунул ей пару груш из моего ведра — все легче будет тащить на базар.

Отойдя в сторону, мы с Мирвали принялись совещаться, как нам быть дальше. Бросить потерявшуюся плачущую девочку могли лишь последние негодяи. Может, взять ее с собой на базар, быстренько продать груши, а потом отыскать ее дом? Или попытаться найти сейчас.

Девочка снова заплакала. Да так громко!

— Надо искать ее дом, — мрачно сказал Мирвали.

Мне пришлось согласиться, и мы поволокли ведро с грушами совсем в другую от базара сторону.

У меня уже пальцы с трудом удерживали ручку ведра.

— Не это ли твой дом? — время от времени уныло спрашивал я девочку. — Может, тот?

Где же она живет?

Мне стало казаться, что правая рука вытягивается и стала сантиметров на десять длиннее левой...

Мирвали тоже выдохся. Он зло пнул грушу, выпавшую из ведра. Я взглянул на него и испугался: лицо искривлено, зубы оскалены. Я подумал, что он сейчас зарычит и набросится на девочку.

— Стойте! — крикнул я. — Ну-ка, малышка, думай, может, магазин около вашего дома, может, дерево растет...

— Дерево. Ореховое, — подумав, сказала она.

— Большое?

— Да. Когда под ним стоишь, неба не видно.

Принялись искать улицу с ореховым деревом.

Ужасно хотелось пить. Все жарче становилось. Мы едва брели и на ходу вяло жевали груши. От этого пить хотелось еще больше.

— Ой, как будто узнаю! — сказала девочка, и я обрадовался. А через минуту развела руками. — Нет, не то.

То, не то. Мне уже хотелось высыпать груши в арык, а ведро запустить куда-нибудь, чтобы оно улетело, превратилось в искусственный спутник земли. Век бы их больше не видеть: водянистые груши, жестяные ведра, плачущих девчонок...

Хоть бы кто из прохожих с добрым лицом попался навстречу. Мы бы ему отдали девчонку... нам же на базар нужно. А зачем на базар? Чтобы потом купить фотоаппарат. А зачем мне, вообще говоря, нужен фотоаппарат, провались он пропадом.

Я от усталости уже плохо соображал.

Однако напоследок меня посетила одна неплохая мысль.

— Эй, Мирвали! — позвал я. — Оставь ведро и идите ищите дом, а я посторожу.

Мирвали затосковал — почему не ему пришло это в голову?

— После таких испытаний нам уже нельзя разделяться, — забубнил он.

— Откуда такой закон — нельзя?! — из последних сил возмутился я. — Ставь и все!

Я доволоч свое ведро до куцей тени дувала и уселся. Мирвали стоял, почесывая в затылке.

— Ой, ореховое дерево! — запищала девчонка. — Кажется, оно!

— Если не оно, получишь!.. — сказал Мирвали.

— Оно, оно!

Мы плелись, и у меня в ушах стоял звон — может быть, даже малино-

вый — иногда так красиво пишут в книгах — звон казался мне красного цвета.

И все сильнее впереди слышался гул голосов, словно там шла демонстрация или находился стадион. Я так ничего и не понял, пока мы не дошли до орешины.

Школа!

Наша же школа, вокруг которой было много народа. С лопатами, вениками, носилками.

Девочка оторвалась от нас и вбежала в школьный двор с криком:
— Умида-а! Умида-а!

От такого звонкого рева все повернулись в нашу сторону, и мы с Мирвали предстали перед школой — два красавца с грушами.

Навстречу нам выбежала Умида и в наступившей тишине громко сказала:

— Я ведь говорила, что Мирвали и Батыр принесут нам два ведра груш!

Все захлопали, закричали: «Ура!» и бросились к ведрам.

Я еще поискал глазами эту «мороженщицу», маленькую, а такую коварную, но она затерялась в толпе. Да и, честно говоря, я был рад, что не придется больше таскать чудовищное ведро.

— Оббо! — хрипло и потрясенно прошептал Мирвали, и кто его знает, что он вложил в это свое «оббо!»...

ДНЕВНИК, ПИСЬМО И ПЕРВОКЛАССНИЦА

(Подлинные факты из жизни двух лентяев)

Школьная перемена дана для отдыха, это знает самый распоследний троечник. Кому какое дело — я, может, на голове люблю отдыхать. Да, да! Встать, например, у забора на голову и так отдыхать до звонка.

Ага, попробуй, встань! Потом полгода будешь доказывать, что ты не сошел с ума.

— Эй, что за шум?

А никакого шума не было. Мы швыряли в небо старую тюбетейку, ну, кое-кто повизгивал от удовольствия. Запустишь ее, она вращается, тихо жужжит и поднимается, словно летающая тарелка.

— Спасайся! Алиджан Валиевич!

Все вмиг разбежались.

Тюбетейка еще летела в синем небе, а на площадке уже пусто.

Алиджан Валиевич поднял тюбетейку, отряхнул ее и покачал головой, будто кто-то предложил ему надеть эту тюбетейку, а он отказывался.

Золотой был человек Алиджан Валиевич в прошлом году. В этом он стал нашим классным руководителем и испортился. Вот судите сами:

Было раньше

Теперь

На переменах он пил в учительской зеленый чай.

Сидит во дворе под тутовником и следит за нами.

Дети на его уроках отдыхали.

Он приходит даже на другие уроки и сидит за свободной партой.

Ничего.

Каждую пятницу — собрание в классе.

Кое-как выпускали в классе две стенгазеты.

Не успеем дочитать одну, появляется другая.

Не газета, а мед!

Будто улей с пчелами висит на стене.

Хо-хо!

Уф! Да-а!

Самое интересное то, что в Алиджане Валиевиче ни капли злодейского. Он никогда не кричит, не ругается, не хмурится. Лишь изредка пишет короткие записки, вкладывает их в конверт и вежливо говорит ученику:

— Передайте, пожалуйста, отцу.

И все, на такого ученика нападает столбняк. Ученик хватается за голову, перебирает свою школьную жизнь по минутам, мучается в поисках вины. А потом идет с письмом домой, как с хомутом на шее. Есть ли в жизни что-нибудь хуже этого?

Вот и я сижу в пустом классе с конвертом в кармане. Уроки давно закончились. А я сижу, и только друг Мирвали ходит вокруг, вздыхает и пытается меня утешить. Я его не слышу, у меня за пазухой будто поселились десять ежей.

— Вставай, Батыр, так можно с ума сойти!

Я поднял голову и взглянул на Мирвали.

Он сел рядом.

— Что же ты натворил?

— Откуда я знаю!

— А кто знает?

— Не знаю, кто знает, — уныло отвечаю я.

Мирвали вздохнул.

— Он ведь до десятого класса будет вот так мучать всех нас. Он сегодня вызывал тебя к доске?

Я мотнул головой — нет.

— А другие?

— По литературе.

— А, ну, да, — вспомнил он. — Ты же трояк получил. Уж если получать, то или двойку, или пятерку. Все остальное — не оценки.

— Отстань!

— Потом отстану, — сказал он. — А сейчас давай по порядку. Ты утром вышел из дома...

— Ну и что, я вышел?..

— Не ну, а вспоминай. Как шел, с кем разговаривал, что натворил...

— Отстань, говорю. Что толку в моих воспоминаниях?

— О глупец! — Мирвали схватил меня за руку. — Ты же не знаешь, о чем письмо? Я не хочу, чтобы ты пережил то же самое, что и я.

Когда-то Мирвали отнес отцу, заслуженному железнодорожнику, точно такой же конверт. На следующий день его отец побывал в школе. А потом что было... «Ох и твердый у отца ремень», — говорил Мирвали, поеживаясь. «А ты откуда знаешь?» — «Он дал мне... надеть».

— Не хочешь вспоминать, тогда сразу веди в школу отца. Шевели мозгами! Если кого-то отлупил, проси немедленно прощения. Неплохо будет, если отлупленный скажет, что не винит тебя. Еще лучше, если он напишет письменное прощение: «Я, такой-то, сам виноват, что Батыр меня отлупил»...

Я вдруг заревел и вцепился в его воротник.

— Замолчишь ты или нет! С чего бы я стал кого-то лупить?

Мирвали высвободился и отошел от меня.

— А вот за это не только отца, но и мать нужно бы вызвать.

Я вскочил и швырнул в него сумкой. Как всегда в таких случаях, она раскрылась, из нее все вывалилось. Подлый замок в моей сумке! Он не спешит открыться, когда я прихожу в класс с выполненным домашним заданием и тороплюсь показать тетрадь учителю.

Я не стал подбирать тетради и ручки, еще и пнул их и опять заревел — от обиды на всех, и на себя тоже.

Мирвали заботливо собрал все, потом подошел и погладил меня по голове.

— Ты уж совсем... переживаешь по себе, как по покойнику. Тебе сейчас очень тяжело, я понимаю. И голова у тебя соображает не лучше тыквы, и сам ты не можешь разобраться, где хорошо, а где плохо. Но я тебе помогу. Рассказывай весь сегодняшний день по порядку, а я буду отбирать проступки, из-за которых Алиджан Валиевич мог написать письмо. Я же о тебе пекусь, глупый.

— Весь день?

— Ты вышел из дома...

— ... поздно. Времени оставалось мало, и я сел в трамвай. Народу много, почти все без билетов...

— Та-ак.

— Что «та-ак»?

— Значит, ты не брал билет?

— Ну, не брал. А ты всегда берешь?

— Одна твоя вина прояснилась, — сказал он. — Валяй дальше.

— Около школы спрыгнул с трамвая.

— У трамваев двери всегда закрыты, — не поверил он.

— Всегда были закрыты, а тут оказались открыты. Ну, я и подумал...

А за трамваем шла машина. Как вильнет и чуть в столб не врезалась. Шофер — за мной. Милиционер засвистел. А я так мчался, что прямо через окно — и оказался в классе.

— Эх-ма, это уже похоже на преступление.

Я вздрогнул.

— Что ты говоришь?

Видя мое состояние, Мирвали сжалился надо мной:

— Ты же не нарочю это сделал, правда?

— Я уже пять раз поклялся, что не буду так делать! — вскричал я.

— Ладно, будем считать, что и это проступок. Что еще было?

— А еще встретил тебя в классе.

— Ну это не преступление, давай дальше.

— А все остальное тебе известно. Во всем, что я потом делал, ты мой сообщник.

Мирвали подпрыгнул, глаза его забегали, и, сжав кулаки, закричал:

— Что ты сказал? Ну-ка, повтори!

— Потом мы все делали сообща — мы сообщники.

С лица Мирвали постепенно исчезли веснушки.

— Не так, что ли?

Он тяжело вздохнул и махнул рукой.

— Значит, давай вместе вспоминать.

И мы стали вспоминать, сколько натворили сегодня. Мирвали на большой перемене добыл где-то сигарету, и мы, вытаращив друг на друга глаза, выкурили ее до доньшка. Домашнее задание по родному языку

списали у моей соседки Муниры. Мирвали держал ее за руки, я списывал. Еще в ее портфеле оказалось крупное желтое яблоко. Я ел яблоко и списывал, а Мирвали ел яблоко и держал Муниру. Конечно, за такой грабеж Мунира раскричалась и расплакалась. Мы с Мирвали прожевали яблоко и довольные пошли из класса. В коридоре из-за одной двери услышали тоненький плач. Мы заглянули и увидели за последней партой всхлипывающую девчонку, похожую на мышонка. Мирвали потянул ее за косичку. Первоклашка подняла голову, глаза ее были красными от слез.

— Как тебя зовут?

— Умида-а.

— А чего ревешь? — спросил я

Оказывается получила кол по арифметике.

— Что я теперь дома скажу-у?

— Уроки учить надо, — наставительно сказал я.

— Ох и жестокий народ учителя, — пожалел ее Мирвали.

Я придумал:

— Умида, у тебя есть красный карандаш? Давай сюда.

И красиво переправил ей единицу на четверку. Даже самому приятно стало.

— Завтра принеси в школу яблоки, — сказал я Умиде, — сама понимаешь, нелегкая работа исправлять колы.

Но и это еще не все. Мы подсказывали на уроках. Остатком масляного пирожка натерли доску, а потом немного зажали в углу редактора классной стенгазеты Ахмада, чтобы не умничал слишком.

В общем, были у нас сегодня кое-какие дела.

— Да-а, — сказал Мирвали, прохаживаясь по классу, — вот вопрос: за что все-таки Алиджан Валиевич вызывает твоего отца? Вернее, за какой проступок? Скажи сам, что именно он мог заметить?

— По-моему, он все замечает. Сидит за мной, когда я сижу, ходит за мной, когда я хожу, смотрит с потолка, когда я сплю.

— Ну это ты загнул.

— Вот сейчас он слышит наш разговор...

Мирвали оглянулся, подхватил сумку и вскочил.

— Пошли, а то и мне уже начинает казаться...

* * *

На улице Мирвали продолжал утешать меня и наставлять:

— Не вешай нос, дружище. Я к тебе приду, мы все обсудим.

— Хорошо, — хмуро сказал я. — Приходи.

— Ты, главное, вспомни все проступки. И запиши, понял?

— Это еще зачем?

— Увидишь, — сказал он. — Когда приходит отец с работы?

— Не знаю.

Он удивился.

— Как не знаешь?

— Утром он говорил, что если будет машина, то уедет в совхоз. Тогда — через две недели.

— Эге! Здорово! — обрадовался он. — А ты переживаешь!

— Это еще неизвестно — уехал или нет. Мама дома.

— Письмо кому адресовано?! Отцу. Если отдашь другому человеку, это будет ужасно бесчестный поступок. А тебе сейчас надо жить без ошибок.

«А верно. — подумал я. — Молодец Мирвали. Хорошо, что рядом со мной такой верный друг». Мне стало немного легче. Уже не десять ежей сидели у меня за пазухой, а гораздо меньше, ну, может, два.

Мы шли по новой, только что заасфальтированной улице. Когда асфальт горяч и еще не укатан как следует, на такой улице запросто можно оставить «след в истории».

Видно, я почти успокоился, раз думал об этом.

— Э-э, смотри, нас зовут.

У тротуара стоял маленький белый старик, похожий на волшебника, помахивал рукой и улыбался нам.

Ну конечно, такие старики зря махать не будут — на свежем асфальте лежал набитый под самую завязку чем-то тяжелым огромный мешок.

— Помогите поднять его на спину, — кротко попросил старик.

Мирвали засуетился.

— Сейчас, сейчас. Ну-ка, Батыр, берись.

Мешок был полон словно камнями. Я еле приподнял свой край. Старик подставил спину. Мирвали вдруг раздумал грузить мешок на старика.

— Вы где живете, дедушка?

Старик оглянулся на нас и помял в руках белую бородку.

— А что?

— Мы донесем мешок.

«Вот еще! — хотел сказать я. — Что он, мой дед, что ли?! Тащи сам, если хочешь. При чем здесь я, мало у меня своих забот?»

Но Мирвали зашипел на меня:

— Чего вытаращился! Берись!

Я растерялся от этого напора, передал портфель старику и взялся за мешок.

Легче было бы, наверное, скатать уличный асфальт в рулон, чем тащить этот проклятый мешок. Мы несколько раз роняли его. Мирвали расшиб коленку. А тут чертов мешок упал мне прямо на пальцы правой ноги. Я чуть не взвыл от злости и от боли.

Улица все не кончалась, я уже начал думать, что она кругосветная.

И вот наконец мы свалили мешок у указанных ворот и заковыляли прочь. Старик произнес нам вслед слова благодарности.

Я сказал Мирвали:

— У тебя есть запасные пальцы для правых ног?

— Что? — не понял он.

— Делай после этого добро твоим знакомым.

— Он же твой знакомый!

— Никогда в жизни не видел его, — сказал я.

Мирвали потер коленку.

— Я думал, он твой дед.

— В тюбетеечку одет, — сказал я.

Мирвали подумал и решительно заключил:

— Твой, мой, какая разница! Все равно ведь он чей-то дед. правда?!

— Ну, — сказал я, — пусть этот «чей-то» и помогает своему деду.

— Почему ты такой тяжелый человек, Батыр! — воскликнул Мирвали. — Тебе совсем не радостно, что мы сделали доброе дело, да?

Мне очень хотелось сказать, что когда у человека хрустят пальцы и ноет спина, только дурак может радоваться такому «счастью». Но потом вдруг почувствовал, что, и правда, на душе у меня стало легко.

Мы свернули в узкую улочку.

Я даже и про письмо забыл. Смело распахнул ворота и вошел во двор.

* * *

Бабушка под урючиной стегала одеяло. Из комнаты слышался шум швейной машинки — мама дома.

— Явился! — встретила меня бабушка, поджимая губы. — Завтра бы пришел, чего уж сегодня... Отец сидит, ждет его, чтобы попрощаться, а он!..

— Отец? — у меня внутри все сжалось. — Он дома?

— Я и говорю, только что уехал в этот свой совхоз. Связался с такой работой.

Из комнаты вышла мама, и они опять заспорили с бабушкой. Папа испытывает в совхозе новые хлопкоуборочные комбайны. Бабушке на ком-

баины наплевать, ей хочется, чтобы ее сын больше находился дома, а не в поле. А мама гордится папиной работой, говорит, что папа — испытатель.

Я швырнул под урючину портфель, подбежал к казану и поднял тяжелую крышку. Так и есть — моя любимая мастава. С ветки в казан заглядывал воробей. Я кошкой подпрыгнул, хотел достать его. И, конечно, сам едва не угодил в казан. Затем я протанцевал вокруг казана, пнул курицу, крутящуюся около, и побежал в комнату за касой. А вернувшись, услышал бабушкино изумление:

— Надо же, первый раз вижу, чтобы дети радовались отъезду отца.

* * *

Мирвали важно расселся на диване и взял у меня из рук тетрадь.

— Та-ак, ты вспомнил двадцать две своих проделки. Алиджан Валиевич еще мягко обошелся с тобой. За это весь месяц нужно отца вызывать.

Я промолчал, хотя мог сказать, что это не только мои, а наши проделки.

— Правда, ты сегодня сделал одно доброе дело. С моей помощью!

— Да.

— Учитывая это, один твой проступок можно вычеркнуть, и еще три-четыре тут по мелочи, их тоже вычеркнем. Над остальными надо призадуматься, друг.

Да что он со мной разговаривает, будто я распоследний человек!! Папа придет лишь через две недели, к этому времени все забудется.

— Думай, если тебе надо, — сказал я.

— Ты письмо отцу отдашь?

— Ну отдам.

— Он в школу придет?

— Ну придет.

— И какой там будет разговор?

— Откуда мне знать?

— То-то! — Он поднял палец. — Тебе к этому времени нужно будет исправить все свои проступки. Алиджан Валиевич начнет отцу рассказывать, а ты: «Я давно все исправил, давно уже наоборот живу. Как ангел». И никто тебя не накажет, все похвалят.

Я спросил:

— И что я должен делать, чтобы стать ангелом?

— Слушаться меня, это самое главное. Я уже все продумал.

Он потребовал с меня клятву: я не должен его ни о чем спрашивать, а только молча подчиняться и все делать по его указам. Я дал такую клятву, про себя подумав: ладно, там мы еще посмотрим.

Мирвали сказал, что зайдет за мной утром, и ушел домой.

* * *

— Батыр!

Я чуть приоткрыл один глаз: надо же, еще раннее утро, а уже будят. Даже в воскресенье не дадут поспать. На урючине ворковали голуби. Ветерок разносил по двору запах мяты. По мне, лучший на свете звук, когда скворчит в казане раскаленное масло, а лучший запах — готовый маставы. Или, немного похуже, плова.

Я еще крепче завернулся в одеяло.

— Батыр! Солнце уже высоко!

— Ну что тебе, бабушка? — не выдержал я.

— Выйди, тебя ждут на улице.

Я с кряхтением поднялся. Одевшись, едва ополоснулся под водопроводом. Мирвали! Терпеливо сидит у наших ворот.

— Пошли!

— Куда?

— Потом узнаешь.

— Я еще не завтракал.

— Уже обедать пора, а ты завтрак говоришь. Пошли скорее.

Он обут в кирзовые сапоги. Коричневая рубашка застегнута на все пуговицы. На голове торчит форменная железнодорожная фуражка отца. Лицо серьезное, и вообще он похож на маленького мужичка.

Мне хотелось засмеяться, глядя на него.

Я забежал во двор, схватил лепешку, и мы пустились в путь, ведомый одному Мирвали.

Он стучал по асфальту каблуками, как солдат, и бубнил, что ради друга он в огонь и в воду... Я дал ему половину лепешки. Он быстро сжевал ее, потом подумал и сказал:

— А вообще грех сейчас обижаться на тебя.

— На меня обижаться всегда грех, — сказал я.

— Моя бедная голова должна варить и за себя, и за тебя. — Он снял фуражку и почесал затылок. — Помни, ты во всем подчиняешься мне.

Я кивнул.

— Деньги у тебя есть?

У меня немного было.

— Давай сюда.

Я вытряхнул мелочь из карманов и протянул ему.

Мы подошли к трамвайной остановке. Народу было немного. Стояла ужасная жара, как будто сейчас не сентябрь, а июль.

В тени большого карагача продавали газировку. Стаканы шипели в руках толстой продавщицы. Толкнув меня огромным арбузом, к газировке подошел толстый дядька в соломенной шляпе. Он заказал сразу пять стаканов. Четыре он выпил, а пятый вылил себе на лысину. Мне показалось, что лысина зашипела.

Я почувствовал себя лепешкой, пекущейся в тандыре. Со злостью я посмотрел в сторону Мирвали: не видит он, что ли, как мне жарко?

Толстяк вытер лысину платком и стал обмахиваться шляпой. В животе у него булькало около литра холодной воды. Я закрыл глаза и представил — передо мной стоит ведро ледяного айрана, и я высовываю голову, ныряю в айран, сажусь на самое дно и пью мелкими глотками, пока не выпиваю весь айран.

Показался трамвай.

— С этого момента ты меня не знаешь. Понял?

Мирвали уже отодвинулся от меня, смотря в сторону. Я ничего не понял.

— Запомни!

Мирвали вскочил в переднюю дверь. Я побежал вдоль трамвая и влез в заднюю. Скоро трамвай тронулся.

Свободных мест не было. Толстяк в шляпе и с арбузом торчал в проходе. Он прижал к груди арбуз, словно тот был алмазный, а не обыкновенный. На сиденьях дремали старики. Несколько молодых людей или читали, или, отвернувшись, смотрели в окна.

На одном сиденье усатый мужчина веселил молодую женщину. Она быстро, как белочка, грызла семечки и громко смеялась.

— Неприлично так громко смеяться в трамвае, — хрипло сказал толстяк с арбузом, которому никто не уступал места.

На него и внимания не обратили.

Вдруг в трамвае раздался громкий голос:

— Предъявите билеты!

Усатый вздрогнул, приподнялся, а потом стал громко хохотать.

— Эй, фуражка! Ну и комик!

— Ваши билеты! — повторил Мирвали.

На его левой руке красная повязка. Где он ее раздобыл? Мирвали стоял перед усатым, смотрел на него в упор.

— Повеселил народ, мальчик, теперь иди. Вот тебе три копейки, выпей стакан воды.

— Встаньте! — крикнул Мирвали.

— Что?!

— Как вам не стыдно! Рядом стоит пожилой человек с тяжестью, а вы делаете вид, что не видите! Уступите место!

Отовсюду посыпались реплики в адрес усача. Тот вскочил.

Мирвали нахмурил брови, строго оглядывая пассажиров. Многие тут же полезли в карманы, стали бренчать мелочью.

— Предъявите билеты!

Ну притвора, ну пижон! Лучше бы перестал валять дурака. Вдруг сейчас войдет настоящий контролер или его увидит водитель трамвая? Глупец! Нет, надо брать ноги в руки и... пока не попались.

Между тем усач поспешно двинулся к кассе и оторвал два билета. Толстяк так же поспешно уселся на его место. Мирвали вытянул газету из целой пачки, зажатой у него под мышками — откуда они? — и пошел по проходу.

— Читайте, товарищи, новости. В Алмалыке построен гигантский комбинат. Труженики села вырастили огромный урожай хлопка

Люди вокруг улыбались.

Мирвали двигался в мою сторону. Внезапно, остановившись передо мной, он громко сказал:

— А ты чего, мальчик, смеешься?

Я от неожиданности замер с раскрытым ртом.

— Билета небось нет, а смеешься, как с билетом.

— Ты что, сдурел? — с трудом вымолвил я.

— Стыдно, мальчик! Ты в какой школе учишься?

Больше всего на свете в этот миг мне хотелось звездануть его по носу. Да так, чтобы железнодорожная фуражка покатилась по проходу, и он, сопя и утираясь, пополз бы за ней под сиденье.

— Придется тебя оштрафовать, мальчик. Что, денег нет? Хорошо, я заплачу за тебя, но надеюсь, что этого больше никогда не повторится? Надо брать билеты, мальчик.

Меня затрясло от этой потрясающей наглости. Моими же деньгами платит за меня штраф и еще тычет «честным» пальцем мне в грудь.

Если бы Мирвали задержался около меня еще на пять секунд, ему бы не сдобровать. Но он прошел дальше, просто шмыгнул мимо меня.

Я хотел двинуться за ним, но в салоне начался скандал. Усач с большеглазой спутницей решили выжить с сиденья толстяка с арбузом и пихали его, кричали про такси и что нельзя ездить в трамвае с вещами, которые пачкаются. Как будто внутри арбуза был черный мазут.

На остановке в салон вышел водитель.

— В чем дело?

В проходе стоял Мирвали с красной повязкой.

— Ты, брат, кто такой? — изумился водитель.

Мирвали побледнел и отступил. Водитель двинулся на него. Мирвали вылетел из трамвая и пустился наутек. Пассажиры, в основном, были заняты перебранкой, но кое-кто, конечно, заметил бегство «контролера».

Я тихонько вылез в заднюю дверь.

* * *

— Постой, дружище!

Я уходил от площади в сторону пустыря.

— Постой, говорю!

Что он липнет ко мне?

Я брел и думал: доберусь сейчас до седой травы, обобью ее от пыли, лягу и пусть над лицом качаются серые венчики. Изгоню из головы все досадные мысли, буду просто лежать, просто смотреть в небо.

— Постой! Ты ведь сделал еще одно доброе дело. С моей помощью!

Руки мои сжались в кулаки, дышать стало тяжело. «Если сейчас остановлюсь, придушу его. Так проучу, что во сне будет кричать от страха. Из-за этого дурня полдня потерял».

Мирвали догнал меня и тронул за плечо. Я резко обернулся, и он чуть не сбил меня с ног.

— Ну, товарищ контролер, здесь-то что вам от меня нужно?

Он широко улыбался. Железнодорожная фуражка была сдвинута на затылок.

— Ты чего улыбаешься? Думаешь, еще одного зайца поймал?

Я схватил его за ворот и притянул к себе. Улыбка слетела с его лица.

— Э-э, не глупи! — захрипел он.

Я изо всех сил потащил его к пустырю. Мирвали гораздо сильнее меня. Но не зря моя бабушка говорит: «Яростная овца может загрызть волка — вот только как ей впасть в такую ярость?» У меня, видимо, настал такой момент.

— Отпусти!

Он уперся в пень. Я тащил его с такой силой, что оторвал воротник, и мы повалились в разные стороны.

— Что я тебе сделал?

— Ты не знаешь, что?

— Нет.

— Сейчас узнаешь.

Я вскочил на него и сжал горло. Мирвали ничего не мог со мной сделать. Глаза у него выпучились. Он притих и вдруг жалобно зашептал:

— Что ж, ладно. Я сейчас умру и на тебя ляжет этот грех. Не оставляй меня здесь, отнеси мой холодный труп домой, к родным. Завещаю тебе свой портфель...

Он закрыл глаза, откинул голову и перестал шевелиться. На побледневшем лице ярко выступили веснушки.

Я испугался.

— Эй, ты!

Вскочив, я потрогал его ногой — не шевелится. Лежит, как куль.

— Мирвали! — Да у него лоб ледяной! — Вставай, проклятье тебе!

Схватив за плечи, я принялся трясти его. Голова у него металась, будто плохо пришитая. Во мне все оборвалось, я затрясся и кинулся бегать куда-то, ничего не соображая и ничего не видя перед собой.

С воем сделав круг по пустырю, я вернулся к Мирвали. Он лежал в той же позе. У меня в горле застрял ком, я не мог дышать. Потом

я сообразил: расстегнув рубашку, я приложился ухом к его груди. И ничего не услышал, то есть услышал, как стучит мое собственное сердце и шумит у меня в висках.

Что я наделал! О-о-о! Всклипывая, я взвалил Мирвали на плечи и куда-то понес. Иду, реву, из глаз текут слезы, не вижу дорогу — куда иду? К людям. В больницу. А может, надо его домой?

— Эй, фуражка упала.

Какая сейчас фуражка, при чем здесь фуражка, пусть она падает к чертям на дно, фуражка...

— Кому говорю, отцова фуражка!..

Я так и сел.

Мирвали слез с меня, подобрал железнодорожную фуражку, выколотил ее об коленку и устроился на пеньке. Сидит, скалит зубы, смотрит на меня и приговаривает:

— Я проверил тебя на доброту, на человечность, на дружбу...

— Чтоб ты сдох со своими проверками, — сказал я, почувствовав, что язык снова повинуется мне. — Не понарошке, а взаправду.

Встал и направился с пустыря.

— Стой, говорю! Ты с моей помощью доказал, что ты почти честный человек...

— Только подойди ко мне, я тебе еще и не это докажу! — И без оглядки пошел в сторону дома.

* * *

Алиджан Валиевич уроки объясняет коротко и ясно. На вопросы отвечает тоже коротко и ясно. Быстро просматривает домашние задания и, потирая руки, говорит:

— А теперь побеседуем.

В классе наступает оживление. Такие минуты нравятся всем. Беседы — дело добровольное: не хочешь — сиди, помалкивай.

Алиджан Валиевич часто шутит, смеется и вообще в это время всем нам нравится.

Вопросы можно задавать любые. Что такое дружба? Существует ли снежный человек? Почему кошка не падает на спину? В каком году человек полетит к ближайшим звездам?

Мальчишки любили разговоры о спорте.

Девчонок интересовало более странное. «Можно ли в детстве влюбиться?» — как-то спросила Мунира. Мы все засмеялись.

— А что тут смешного? — спросил нас Алиджан Валиевич.

А действительно, что? Ну что смешного в этом вопросе, скажите мне. «Можно ли в детстве влюбиться?» Хи-хи-хи!

— О чем нам сегодня хочется поговорить?

Мирвали поднял руку.

— У меня несколько вопросов к вам. О проступках и чувстве вины.

Алиджан Валиевич протер стекла очков и посадил их на нос.

— Это интересно. Давайте послушаем.

— Например, я или кто-то совершил неверный проступок, — Мирвали покосился на меня, — и мне очень хочется скрыть...

— Есть хорошая народная поговорка, — сказал Алиджан Валиевич: — «Если скроешь болезнь, температура выдаст».

Мирвали кивнул и продолжал:

— Этому человеку надо сразу признаться или он должен сначала исправить ошибку?

Алиджан Валиевич, подумав, сказал:

— Это все не так просто. В некоторых случаях надо сразу признаться, и иногда бывает так, что признаться некому, кроме себя. В других — надо исправляться. И потом, Мирвали, не путаешь ли ты ошибку с виной? Это разные вещи.

Мирвали упорно гнул свою линию. Он уже не глядел на меня, но я-то знал, чего он так старается.

— Виновный обязательно должен быть наказан?

— Я вспомнил одну сказку, — начал Алиджан Валиевич. — Как-то была страшная засуха. Наступил голод. Собрались звери и стали решать, кто из них согрешил. Лев сказал: «О, на мне тяжкий грех! Я недавно убил быка и съел». — «Что ты, лев! — сказали другие звери. — Разве это грех!» Леопард сказал: «Я недавно козу убил». — «Ну, это не грех», — успокоили его. Шакал признался, что убил и съел курицу. И это оказалось не грех. Тут овечка призналась, что щипала траву на склоне. «Вот это грех! Это страшный грех!» — закричали все звери, бросились на овцу и разорвали ее. Я рассказал это к тому, — продолжал учитель, — что наказание должно быть — по вине, а не просто ради наказания. Ясно?

Кто-то еще спросил учителя, что такое счастье, но в это время зазвонел звонок. Алиджан Валиевич сказал:

— Вот и задание на дом. Напишите сочинение на тему «Что такое счастье». Попробуем все вместе разобраться в этом.

Проходя мимо меня, Мирвали шепнул: «Пойдем, разговор есть». Я нарочно задержался. И, конечно же, попался на глаза Алиджану Валиевичу.

— Ты передал отцу письмо?

У меня забилось сердце. Я объяснил, что отец уехал в командировку и вернется, наверное, не скоро. Потом вынул из портфеля письмо и положил его на стол.

— Нет, нет, держи его при себе, — сказал он. — Когда-нибудь ведь отец приедет, тогда и отдашь.

Я снова сунул письмо в портфель и пошел из класса.

Счастливые дети резвились, шумели, визжали, бегали по двору. Я же, как та злосчастная овечка, стоял на крыльце, ощущая в руке тяжесть портфеля. Он бы, наверное, без дополнительных камней пошел ко дну, такая тяжесть. Утонул бы портфель с письмом, с меня бы взятки гладки. А что, может, попробовать?

Кто-то потянул меня за рукав. Я обернулся и увидел Умиду.

— Чего тебе?

— Беда, — прошептала она, — идем.

Оказалось, глупышка опять заработала кол по арифметике...

* * *

Лежа во дворе на айване, я размышлял о счастье. Бабушка сидела рядом, вышивала сюзана и сама себе улыбалась.

— Папа твой приедет в субботу.

Вот и думай после этого о счастье.

Я перешел в комнату и лег на диван. О счастье хорошо думать, когда... ты счастлив. Например, когда лежишь у реки, на теплом песке, а совсем близко от тебя варят обед и в небо лениво поднимается синий дымок. Так неплохо помечтать о счастье на бахче, особенно после ужина. Сверкают миллионы звезд, чудесно пахнут спелые дыни...

Что-то мне мешало думать в полную силу, будто над ухом вилась муха. Я выглянул в окошко. Так и есть: за забором пела Мунира.

— Эй ты, певица! — крикнул я, и когда она выглянула из-за забора, посоветовал: — Выключись! Я тут уроки делаю, а ты блеешь, как коза.

Она обиженно скрылась. У-у, чтоб глаза мои не видели тебя!

Счастливы ли вон тот кот, что развалился во дворе? Пожалуй, нет. Он молотит хвостом и точит когти при виде голубя на дереве. А ползет за ним — или сорвется, или получит палкой от бабушки, или голубь улетит. В этом отношении мы с ним одинаково несчастны. Вот голубь или Мунира — другое дело. Поклюют, крылышками похлопают, песенку споют — счастливы. От таких дум у меня стала опухать голова.

— Бабушка, — окликнул я, — скажи: что такое счастье?

Она отложила вязанье и взглянула на меня поверх очков.

— Для меня?

— Да, для тебя.

— Скорое возвращение домой твоего отца.

Это что же, счастье бабушки — мое несчастье, что ли? У меня совсем все в голове смешалось. Я ощутил себя страшно одиноким. А ведь был у меня хороший, верный друг...

Вскочив с дивана, я ринулся во двор, оттуда за ворота и побежал к дому Мирвали. Где ты, мой единственный друг? Прости меня и распахни ворота своей души. Я иду к тебе!

* * *

— Говорит, подождем отца?

— Да.

— Видимо, твои проступки настолько тяжелы, что...

— Наверное.

— Но до приезда твоего отца еще шесть дней...

— Вот именно.

— Ты еще справишься, будешь, как стеклышко...

— Конечно.

— С моей помощью!

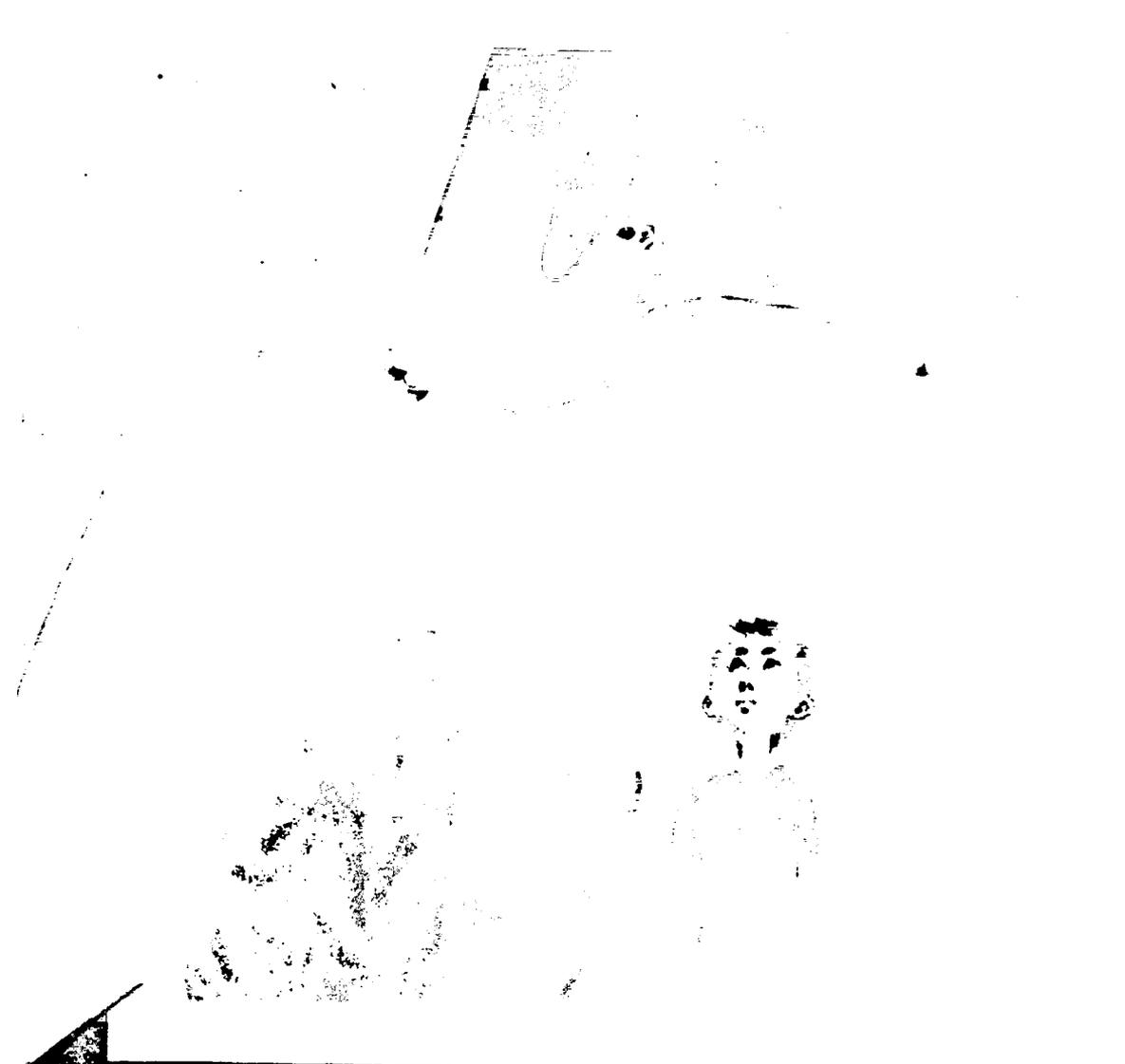
— Хм.

— Но и от тебя самого зависит многое...

— Я понимаю.

— Учись хорошо.

— Хорошо.

— Какие у тебя отношения с Мунирой?

— Сам знаешь, какие.

— Ты ее не обижай.

— Нужна она мне.

— Бабушку и маму слушайся.

— И так слушаюсь.

— Никого не обижай.

Я не выдержал:

— Да кого я могу обидеть!

— А меня? — горько сказал мой друг Мирвали. — Да уж ладно, я тебя прощаю, у тебя сейчас голова, как тыква.

— Я где-то читал, что, если человеку постоянно говорить: «Ты свинья», он в конце концов будет хрюкать. — Я потрогал свою голову.

— Болит?

Я тупо кивнул.

— Ничего, сейчас развеешься. — Мирвали достал свои тетради и разложил передо мной. — Делай уроки. Сначала здесь, потом перепишешь в свои. Мне некогда, голова забита, как тебе помочь. Ты занимайся только уроками, обо всем остальном позабочусь я.

* * *

Еще никого нет не только в классе, но и во всей школе. Я сижу один, ранний дурак, и глазею в окно. Зачем Мирвали просил меня прийти в школу пораньше? Где он сам?

Я уже хотел пойти на улицу, как дверь распахнулась.

— Никого еще нет? — запыхавшись, спросил меня Мирвали.

Я пожал плечами. Как будто он сам не видит — есть или нет.

— Уроки сделал? То есть переписал с моих тетрадей?

— Да, — сказал я.

— Покажи! — потребовал он и похвалил: — Молодец! Э-э!.. Идет! — и полез под последнюю парту. — Меня здесь нет, понял?

В двери появилась Мунира. Я вытаращился на нее. Она сияла, как новогодний шар из тонкого стекла.

— Здравствуй!

— Привет, — буркнул я.

— Вот я и пришла.

— Ну и что?

Она — радостно:

— Ты думал, я не приду так рано?

— Ничего я не думал.

Она посмотрела на меня с удивлением и призадумалась. Но потом громко рассмеялась и произнесла:

— Смешной ты, Батыр! Ты что, не мог сказать это устно, обязательно надо писать?! Здесь ничего страшного или странного нет. Разве не могут дружить мальчик с девочкой?..

Ох, не нравятся мне такие загадки. Я уже открыл рот, собираясь послать ее к черту и таким образом прояснить наши отношения, как из-под парты с грохотом вылез Мирвали.

— Могут! — выкрикнул он. — Конечно, могут дружить, Мунира! Не обращай на него внимания, он онемел от радости. Вот тебе от нас подарок! Оп!

Выхватив из кармана яблоко, он протянул Мунире. Она покачала головой, но уже не улыбалась.

— Бери, пока дают! — Мирвали насильно вложил ей в руку яблоко. — Уроки сделала? А то вот переписывай. Давай, давай, долг платежом красен.

Мунира села за парту и, что-то вспомнив, принялась хохотать.

Она протянула мне записку и выбежала из класса. Развернув ее, я прочитал: «Мунира, давай с тобой дружить. Ты не думай, на самом деле я хороший мальчик. Приходи завтра в школу в полвосьмого. Батыр».

— А иначе как можно было ее заманить пораньше! — сказал Мирвали, отводя от меня глаза.

* * *

У нас был пустой урок, и мы ошалело гоняли во дворе мяч. Я стоял на воротах и прыгал, как тигр, а мне кричали: «Растяпа!» Я расшибал коленки, доставая мячи, а мне показывали — разиня, куда смотришь!

А когда Мирвали — нападающий нашей же команды — вколотил мяч в наши же ворота — мне! — я плюнул и покинул поле.

Мирвали побежал за мной.

— Я же не нарочно.

На крыльце школы стояла Умида. У нее было испуганное лицо.

— Папа попросил передать, — сказала она и протянула мне свернутый листок.

— Что это?

— Письмо учительнице, — прошептала она.

Умида боязливо залепетала:

— Вы прочитайте, там ужасно что написано.

Я решительно взял листок.

— Читать чужие письма...

— Дай мне! — сказал Мирвали, и я передал листок. — У меня совесть чистая, ничего, если появится маленькое пятнышко. «Уважаемая Салимахон, примите от меня букет самых лучших пожеланий». Ишь, как написано!

— Читай дальше.

— «Извините, что не могу зайти к Вам и узнать лично, как занимается наша дочь Умида».

— Спросил бы нас, — сказал я.

— «Меня очень смущают ее оценки. Тетради Умиды похожи на коврики, расшитые синими и красными нитями. Нет ни одного неисправленного слова. А оценки, тем не менее, хорошие. Мне кажется, к детям можно и нужно предъявлять больше требовательности. Или, может, сейчас новая методика обучения? Не сочтите письмо за дерзость. С бесконечным к Вам уважением».

— У тебя отец кто, поэт? — спросил я.

Она шмыгнула носом.

— Нет, шофер.

Мирвали с растерянным видом держал письмо в руках.

— Ну, дела-а...

— Да, — сказал я.

— А все ты виноват.

— В чем я опять виноват? — закричал я, обозлившись.

— Если бы ты в первый раз не переправил кол на четверку, ничего бы не было.

— А кто поддержал меня? Не ты?!

— Не кричи на меня! — закричал он. — У меня голова кругом идет, я уже ничего не соображаю — где твоя вина, где моя.

Я ткнул в письмо.

— Здесь — твоя вина!

— Все твои проделки гроша не стоят по сравнению с этим! — Он потряс письмом. — Это преступление, понимаешь? Давай выпутываться.

В конце концов, немного успокоившись, мы стали думать, как исправить положение. Записку отдали Умиде и предупредили, чтобы не передавала учительнице до тех пор, пока не придумаем какого-нибудь выхода.

И придумали.

* * *

Был один путь — из Умиды сделать отличницу. Настоящую. Заниматься с ней до седьмого пота. Хоть тумачами вдолбить в нее арифметику

А чтобы ее отец не пришел в школу не ко времени, нужно самим прийти к ним домой. Мы и отправились. У меня в кармане лежало «рекомендательное письмо». «Уважаемый Аскарджан! /Имя отца мы узнали от Умиды/. Я бы хотела попросить Вас прийти в школу через месяц. Видимо, я, и правда, снизила требовательность к Вашей дочери. Это потому, что она очень ласковая девочка и нравится мне. Сейчас я посылаю к Вам двух отличников, они — гордость нашей школы. Ребята дисциплинированные, по знаниям им нет равных. /Мирвали настаивал на таких фразах: «Они очень сообразительны. Головы у них полны мыслей». Я с трудом убедил его не писать такую чушь/. Если Вы им разрешите, они после уроков будут заниматься дополнительно с Умидой».

Через синие ворота мы вошли в большой двор. В центре двора стоял айван с резными подпорками. На айван падала тень грушевого дерева.

Во дворе никого не видно.

— Умида! — позвал Мирвали.

Под грушей качнулся гамак и показалась голова Умиды.

— Бессовестная девчонка! Дрыхнешь? — сказал я. — Где мать или отец?

— Дома.

— Зови.

Мирвали буркнул мне:

— Не умеешь держать себя в руках. Учись у меня.

— Ладно, ладно.

— Внимание, — вполголоса сказал он, — мать идет.

На дорожке, выложенной красным кирпичом, показалась молодая женщина. Где-то я ее видел. Волосы собраны на затылке в пучок, глаза большие, подведены синей тушью... очень приветливо она пригласила нас на айван поставила столик на маленьких ножках, постелила белую скатерть, тут же появились сладости, сдобные лепешки, виноград, фрукты.

— Да, с сегодняшнего дня мы обязательно возьмем над Умидой шефство, — приговаривал Мирвали, отхватывая громадный кусок торта.

Потом он пустился расхваливать Умиду, сидевшую напротив нас — какая, мол, она способная, но только способности у нее скрытые, внутренние. Умида прижимала к себе такую страшную, затрепанную куклу — без волос и одного глаза, что мне становилось тошно и кусок в горло не лез.

Умида усиленно моргала нам, когда мать не смотрела в ее сторону. Ну не дурочка ли!

Мирвали намазал мед на масло.

— Через месяц, пусть я умру, если она хоть одну четверку получит! Хозяйка принесла чай.

— Я очень рада, что вы решили помочь Умиде. И отец будет рад. Единственная дочка...

Мирвали подвинул себе под бок подушку. Мне казалось, что он уже

разбух, а все ел и ел. Я не знал, куда деть глаза, и уставился на розы, которые росли вокруг айвана.

И тут в воротах показался отец Умиды. Тот маленький кусочек лепешки, что я отщипнул, встал у меня поперек горла. У него были очень запоминающиеся мне усики. Поэт, шофер, отец Умиды, безбилетник... Нет, такие задачи не для моей бедной головы.

Не видя хозяина, остановившегося за его спиной, Мирвали благодуше- ствовал. Он уже сам себе казался важным лицом и говорил, значительно выставив перед собой палец. То есть он не просто говорил, а держал речь.

— ... учителя часто советуются со мной. Прямо так вызывают и гово- рят: «Без тебя, брат Мирвали»... Ой!

Умида повисла на шее отца.

Я видел, как Мирвали мысленно рванул к воротам, дал отчаянного стрекача. Лицо его вытянулось, побледнело. Кусок лепешки, уже поли- тый медом, он принялся солить, перчить и поливать жидкой соей. Все смотрели на него, Закрыв глаза, как во сне, Мирвали поднес лепешку ко рту... Ожидание взрыва захватило меня. А чего еще ждать, если человек откусывает стабилизатор бомбы?..

Но протянулась рука отца Умиды, он вежливо взял кусок у Мирвали и с укоризной сказал жене:

— Следы за гостями, дорогая, угощай нормально.

И пошел к крану ополоснуть руки.

Объевшийся Мирвали бочком сполз с айвана и сказал, глядя в сторону:

— Мы пошли, спасибо.

— Куда же вы! — удивилась хозяйка. — Сейчас обед будет готов.

— Нет, нет! Нас ждут!

Он свирепо посмотрел на меня: вставай! А я все сидел и бессмысленно улыбался, вспоминая бабушкино изречение: «Одна ложь тянет за собой другую, но всему на свете приходит конец».

Узнал ли Мирвали отец Умиды?

За воротами, когда мы торопливо свернули за ближайший угол, Мирвали мрачно сплюнул и прохрипел:

— Теперь отступать некуда! Или умри, или сделай из нее отличницу.

* * *

Мне думалось: хорошо, должно быть, живется на свете учителям. Их встречают стоя, разговаривают с ними почтительно. Ученики дрожат, а учителям это приятно. Учитель в классе полный хозяин ученика: захочет, вызовет к доске, захочет, оценку не поставит. Он всех погоняет, а его — никто.

Мирвали мне сказал:

— Мы с тобой разделим работу поровну.

Я кивнул: правильно.

— Но я возьму на себя самую тяжелую часть: я буду объяснять уроки.

Благородный у меня друг.

— Тебе остается немного: ты будешь отвечать за ее отметки.

Я машинально кивнул, а потом опомнился.

— Э-э, так не пойдет.

— Я тебя знаю, ты не умеешь работать с детьми! — продолжал он: — Уроки буду давать я.

— А отвечать — я?

Мы начали переругиваться. Так и вошли в первый класс, где нас жда- ла Умида. Она глядела в окно и что-то мурлыкала себе под нос.

Мирвали важно кашлянул в дверях. Та как будто не слышит. Я тоже кашлянул. Ноль внимания.

— Вот такую невоспитанную девочку придется нам учить! — громко сказал Мирвали.

Умида с улыбкой обернулась, достала из кармана три шарика курта и протянула нам. Мирвали с суровым лицом прошагал мимо нее и сел на учительское место.

— Ты сядь с ней рядом! — велел он. — Для начала поговорим о дисциплине. С этим делом шутить нельзя, дисциплина должна быть хорошая, а еще лучше, отличная.

И пошел, и поехал. Клянусь приездом отца, я бы так не смог. «Ученье

держится на дисциплине, это фундамент науки, знания даются только дисциплинированным ученикам...» Тьфу! Вырастет, плут, будет народ морочить своими речами.

Умида тихонько подвинула мне курт. Я положил белый шарик на язык и начал перекачивать его во рту. Кисленько стало во рту. Умида тоже катала за щекой шарик курта.

— Эй, я для кого говорю! Ты что мне рожи корчишь?

Умида растерянно заморгала.

— Вот он тоже так делает.

Мирвали хлопнул по столу.

— Я тут из кожи лезу, а он!..

— Ты не очень лезь, а то, и правда, вылезешь! — сказал я.

— Что?

— Ничего.

Мы опять стали переругиваться и довели дело до скандала. А когда опомнились и замолчали, Умида часто моргала, морщилась и держалась за голову.

— Ой, раскальвается... сейчас лопнет!

— Завтра ты должна получить пятерку, — приказал ей Мирвали, — по дисциплине.

Она послушно кивнула.

— Хорошо, получу.

И подхватила портфель.

— Куда?

— Домой, — плачущим голосом сказала она. — Ой, моя голова!..

У меня самого разболелась голова, прямо гудела, как пустой барабан. Да и у Мирвали, наверное, тоже. Мы разрешили ей идти домой.

А когда мы вышли из школы, Умида с веселым смехом играла во дворе в «классики».

На другой день Мирвали был краток:

— Доставай тетради!

Умида сморщилась.

— У меня опять голова...

— Видишь? — Мирвали показал ей кулак. — Не пройдет голова, возьмусь лечить. Пиши пример!

И сам на доске крупно написал: $5 - 2 = ?$

Умида сунула палец в рот и уставилась на доску.

— Ну! Сколько будет?

Молчание.

— Я жду! Какой ответ?

Она пожала плечами.

— Убери палец, дурочка!

Умида положила руки на парту.

Я увидел, что она вот-вот захнычет. Поэтому подошел к Мирвали и прошептал ему на ухо:

— Ты чего орешь? Учитель! Говори мягко, с улыбкой.

Мирвали насильно улыбнулся.

— Сколько получится?

— Чего получится?

— Вот! Вот! — заорал Мирвали и ткнул мелом в вопрос. — Сколько здесь получится?

— Чего получится?

Мирвали закатил глаза. Мне показалось, что из его ушей повалил дым. Я вскочил и, громко объявив:

— Перерыв пять минут, — вывел Мирвали в коридор.

Он шипел и трясся, как чайник на огне.

— Чего тебе?

— Так нельзя! — решительно сказал я.

— Что нельзя?

— Ты сам не лучше Умиды. Во-первых, успокойся.

— Мне хочется надавать ей пинков! — Он принялся бегать по коридору. — Кэ-эк дать ей!

— Арифметика очень капризная наука, — сказал я. — Надо проводить урок с наглядными пособиями.

Мирвали дико посмотрел на меня и пошел в класс. И я за ним. Умида весело, за обе щеки, уплетала самсу.

— Что у тебя еще в портфеле?

Надо же, полно «наглядных пособий»: орехи, миндаль, конфеты печенье. Это целый буфет, а не школьный портфель.

Мирвали раскусил один орех. И я раскусил. Орехи были вкусные. Мы сидели и грызли орехи. Долго сидели.

Потом я спохватился. Выстроив на парте пять миндалин, я заставил Умиду пересчитать их и отвернуться. Мы две миндалины спрятали.

— Сосчитай, сколько осталось?

Умида посмотрела на миндалины.

— Вы украли...

— Сколько тут осталось? — закричал на нее Мирвали.

— Не кричи на ребенка! — успокоил я его. — Сколько же тут осталось?

— Вы думаете, я не знаю?

— Что ты знаешь?

— Что вы спрятали в карман.

— Молодец, правильно, — сказал я. — Мирвали спрятал в карман. Сколько косточек он спрятал?

— Две косточки! — Умида захлопала в ладоши.

Я не давал ей опомниться.

— А сколько осталось на парте?

— Три.

— Молодец, умница! Теперь другой пример: возьми одно печенье, три ореха, две конфеты и вот этот курт... Сколько всего получается?

Ха, да она такие примеры, оказывается, решала, как семечки шелкала.

Я в конце так устал, что с тругом ворочал языком. Распух он у меня, что ли? Грузчиком легче работать, чем учителем. Как им, беднягам, достается от нашего брата!

На наших глазах Умида сделала все домашние задания.

Нас с Мирвали качало от усталости. Умида, помахивая сумкой, уже мчалась домой, а мы еще остались в классе, не могли отдышаться.

* * *

Вот и все! Приехал отец. Ну что ж, когда начинаются наказания, уходят прочь страхи. Как видите, я за две недели, ожидая отца, стал философом.

Рано утром кто-то потянул меня за ухо. Легонько так. Я подумал, что это бабушка, и пробормотал, что сейчас поднимусь. Потом потянули одеяло. Я гневно открыл глаза и увидел улыбающегося отца.

Я уже не помню, как встал, умылся, позавтракал. Очнулся только в школе.

— Отец приехал, — убито сообщил я Мирвали.

— И ты отдал ему письмо, — понимающе сказал он.

— В том-то и дело, что не отдал.

Мирвали обнял меня.

— Правильно сделал. Вечером отдашь. При мне. Потому что я свидетель, как ты исправился. С моей помощью! Не трусь! Я буду рядом с тобой.

* * *

Не зря говорят, что «у людей, сидящих в одной лодке, одна судьба». Мы с Мирвали два часа ждали отца. Молча. Мирвали только сочувственно смотрел на меня и вздыхал.

Вот заскрипела калитка, отец пришел с работы. Умылся под краном во дворе. Вошел в комнату. Поздоровался с нами. Сел за стол. Мама налила ему шурпу.

— А где ваш аппетит, богатыри?

И я подсунул конверт. Отец повертел его в руках, отложил, но потом попросил ножницы.

Я просто не успел заметить, куда и как исчез из комнаты Мирвали. Растаял, как дым. Бросил меня, а еще друг! Ну что ж, за все, что делаешь в жизни, надо платить самому. Как за проезд в трамвае.

Я приготовился.

Папа отложил письмо в сторону и продолжал ужинать. Ничего себе, нервы у него! Наконец он отодвинул тарелку и сказал:

— Передай Алиджану Валиевичу, что можно в любое время.

— Что можно... в любое время?..

— Прийти на завод с экскурсией. Разве ты не знал, о чем письмо? — удивился он.

Я знал, о чем МОЖЕТ быть письмо. Но не угадал.

* * *

Алиджан Валиевич внес в класс стопку тетрадей.

— Да, каждый понимает счастье по-своему, — задумчиво сказал он, садясь на свой командный стул. — Но мне хочется прочитать всем, что сказал о счастье один из вас.

Он выбрал тетрадь и прочитал:

— Счастье — жить с чистой совестью.

Это была моя тетрадь...

СОДЕРЖАНИЕ

О книжке, которая лежит перед вами <i>С. Сахаров</i>	3
«Отдохнули». <i>Рассказ</i>	5
Прощай, шеф. <i>Рассказ</i>	10
Миллион штук урюка. <i>Рассказ</i>	13
... И два ведра груш. <i>Рассказ</i>	17
Дневник, письмо и первоклассница. <i>Повесть</i>	21

Для детей младшего школьного возраста

Латиф Махмудов
ДНЕВНИК, ПИСЬМО И ПЕРВОКЛАССНИЦА

Рассказы, повесть
Перевод с узбекского

Редактор *В. Кива*
Художественный редактор *В. Неклюдовский*
Технический редактор *Е. Поганова*
Корректор *Т. Красильникова*

ИБ № 2525

Сдано в набор 13. 01. 82. Подписано в печать 15. 02. 82. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная № 2. Литературная гарнитура. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 3,87. Уч. изд. л. 4,48. Тираж 240000. Заказ № 100. Цена 30 к.
Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 700129.
Ташкент, ул. Навои, 30.

Фабрика офсетной печати Ташкентского полиграфического
производственного объединения «Матбуот» Государственного комитета
УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Ташкент, ул. Усмана Юсупова, 86.

